

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник статей
XXIV Международной научной конференции,
посвященной 135-летию
Томского государственного университета
(7–9 октября 2013 г.)**

Ответственный редактор профессор С.К. Гураль

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2014

В.В. Быконя

Томский государственный университет, Томск, Россия

**ОТРАЖЕНИЕ В СЕЛЬКУПСКИХ НАИМЕНОВАНИЯХ
ФЛОРЫ И ФАУНЫ
КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ.

Проект № 13-14-70001а/Т. Этнокультурная специфика наименований объектов растительного и животного мира.

Информация об окружающем мире, составляющая основную часть познавательной деятельности человека, поступает через генетическую память (опыт предков передается через язык, мифы, былины, сказки), через систему органов чувств – зрительную, вкусовую, слуховую, обоняние, осязание. Познание начинается с восприятия, обусловленного ощущениями и разумом. Пути получения информации об окружающем мире нашли выражение в наименованиях флоры и фауны. Эта лексика формировалась на элементах языка, которые представляли собой первоначально мотивированные комплексы. Селькупский язык существует в виде совокупности диалектов, а диалектные слова сохраняют более древний фонетический облик, в семантической структуре – древнее значение. Как показывает материал, в основе наименований лежит конкретное значение слова. Согласно принципу построения слова в агглютинативных языках, оно предстает как последовательность корней, соответствующая ходу мысли говорящего.

Примером первого проявления познавательной деятельности представителей этноса служат наименования мха и волка. Они содержат общий элемент *čumb-*, *t'umb-*, *t'ub-*, ср.: 1) 'мох (болотный)': об., кет., вас. *čumb*, *čumbə*; об. Ч *čumb*, *čombe*, *čum*; об. С, Ш, кет., вас. *t'umbə*; об. С *t'ubə*, *t'ump*; 2) 'волк': об. Ч *čumbäne*; об., кет., вас. *čumbne*; об. С *tümbune*; об. С *t'obune*; тым. *čumānä*. Анлаутные звуки составляют ряд регулярных звуковых соответствий: *t~t'~č~ć* [1. С. 40]. Наименование волка по сравнению с наименованием мха имеет более сложную морфологическую структуру: оно включает элемент *-äna*, *-ane*, *-une*. Общий элемент *čumb-*, *čumb-*, *t'umb-* может быть поделен на звукокомплексы *ču-mb*, *ču-mb*, *t'u-mb*. Первый совпадает со словом *ču*

‘земля’, второй образовался в результате элизии гласного *ü* и восходит к элементу *müb-* лексемы об. С *müba* ‘нора’. Конкретным значением сложного слова *çu-müb* было «земля-нора». В вариантах *t’ob-*, *t’ub-* имеет место ассимиляция *mb > bb > b* с последующим упрощением смычного согласного. Внутренняя форма элементов *t’ob-*, *t’ub-* в синхронии затемнена, но восстанавливается исторически также в виде «земля-нора». После фонетических модификаций и фитоним, и зооним изменили внешнюю форму, в их морфемной структуре выделяются элементы *t’ob-*, *t’ub-*, *tüm-*, *çum-*, которые совпадают с элементами самоназваний селькупских родов, ср. об. С *t’ubiqum* ‘человек своего рода’, ‘мужчина’; об. Ш *tümıqur*; об. Ч, тым. *çum*, *çumj* ‘селькуп’. Рассмотренные номены хранят информацию о том, что представителям этноса известна жизнь в земляных жилищах. Об этом говорят языковые данные, например об. Ч *ogot çumıla çul’matqət bargıdıt* ‘раньше селькупы в землянках жили’; об. Ш *ugon karamom rakjilkuzaut* ‘раньше (мы) землянки рыли’.

Другое наименование волка *çumäñä* также изменило свою внешнюю форму через элизию гласного звука *ü*, форма предшествующего исторического периода может быть представлена в виде *çu-mü-äñä*, букв. земля-нора-дух (ср. кет., тур. *mü* ‘отверстие’, ‘дыра’, ‘нора’, ‘щель’). Элемент *-äñä* является фонетическим вариантом элемента *ane*. На основе селькупского материала для фонетических вариантов элемента *-ane* выявляется значение «дух», действия которого вызывает эмоцию страха: ел. *äñäqo*; тур. *äñıqo*; ен’ıqo; ел. *ın’eqo* ‘бояться’. В соответствии со значениями элементов, вошедших в структуру зоонима, его внутренняя форма расшифровывается как «дух, живущий в земляной норе». Согласно установленной закономерности, семантические переходы генонима в исторической перспективе проходят следующий путь: мифический предок → род, поклоняющийся данному мифическому предку → человек своего рода → дух предков рода → растение / животное, в котором живет дух предков рода (тотем) [2. С. 24]. Ассоциативная связь сохраняется благодаря материальному совпадению слов или элементов слов, обозначающих мифического предка, род и растение / животное. Полагаем, что первоначальным значением слова *an* было «человек», которое в результате семантического выветривания приобрело значение «дух (предков рода)». В номинативной системе древние слова со значением «человек» выступают апеллятивами, выполняющими когнитивную функцию. Слово *an*

‘человек’ относится к древнейшему слою лексики, его значение восстанавливается исторически. На базе слова образовалось порядковое числительное об. С an, aniqoj; об. Ш anuj ‘первый’, например об. С an mele übätrædi mesodimä ‘первое дело – трудное’ (букв. первое начало работы); об. Ш anuj šud’ernak ‘первое окно’ [3. С. 161]. На смену значению слова šu-tü-ane ‘земля-нора-человек’ приходит значение «земля-нора-дух предков». Дух предков этого рода «живет» в животном, образ жизни которого повторяет образ жизни рода.

Составные наименования волка содержат указание на вкусовые восприятия окружающего мира: тур. amırsur; ädäl amırsur; ätä amiri! surip; ел. otäj amëritäj sugər ‘хищный зверь’. Данные наименования включают в свою структуру компонент, совпадающий материально с элементом лексемы вас. amırgu; тур., ел. amırqo ‘есть, кушать’. В наименованиях волка имеется дополнительный компонент otej, который при морфемном членении на элементы ot-ej может быть переведен «высший дух» (ср. тым. a odäbəl' el'mat ‘некрещеный ребенок’; odäko ‘крестить’). Значение, передаваемое составным наименованием otäj amëritäj sugər, складывается из значений компонентов «высший дух-кормящий-зверь / птица». Наименование волка, передаваемое через описание, характеризует его как тотемное животное. Но в быту волк является хищным зверем, это передается лексемой amırsur (< am-ır-sur, букв. еда-питье-зверь).

Указание на вкусовое восприятие мира содержится в наименовании клюквы об. Ш karanaps, кет. karanapsot, согласно народной этимологии, «журавлиная еда» [4. С. 46], ср. об. Ч, вас. кара ‘кедровка’; об. С, Ч, кет., тур. qara ‘кедровка’, ‘журавль’, ‘гагара’; об., тым. aps, об. С, кет. apsoť ‘еда’; об. С apsođi ‘зерно’. У южных селькупов известен род кедровки, у северных лексема кара является компонентом самоназвания кара-kula (букв. кедровка-люди). В наименовании клюквы усматривается компонент кара-an, букв. птица-человек (птица-медиатор) + aps, apsoť, таким образом, в основе наименования клюквы лежит конкретное значение «кедровка-человек-еда».

Обонятельное восприятие окружающего мира заложено в описательном наименовании тур. ätäp amti! surup ‘волк’. В трехкомпонентном составном наименовании компонент ätäp имеет значение ‘олень-дух (который воспринимается органом обоняния)’. При его морфемном членении на элементы ät-är имеем возможность сопоставить первый элемент со словом тур. ata, ädä, ätä ‘олень’, второй -är входит в морфемную струк-

туру лексем тур. *äp̄t̄iço* ‘подуть’; об., кет. *ap̄t*, *ap̄ti* ‘запах’; тым. *ap̄talgu* ‘понюхать’, ‘учуять по запаху (зверя)’, ‘чуять’, ‘обонять’: об. Ч *kanak rož’* *e ap̄talbat* ‘собака носом чувствует’. Наименование тур. *ät̄äp̄ am̄t̄il’* *surup* своей внутренней формой подводит к следующей трактовке зоонима «волк»: «олень, манящий запахом хищного зверя», ср. тур. *am̄t̄il’* *surup* ‘хищный зверь’. Нужно сказать, что олень считается небожителем, что отражено в устойчивом словосочетании *ät̄än pur* ‘олень пастбище’, в котором второй компонент *pur* имеет значения ‘небо’, ‘бог’. Этносом почитался *kal’ eta* ‘небесный олень’ – главный шаманский дух. У каждого сильного шамана на парке есть рога оленя [5. С. 36–37].

Селькупские зоонимы дают основание утверждать, что слуховое восприятие окружающего мира является особо значимым для обитателей таежного мира. Слуховые ощущения, а именно они необходимы обитателю леса, должны были стать ведущими при наименовании представителей фауны. Об этом свидетельствуют зоонимы об., Ш, Ч, вас. *ȫñ̄əñ̄ž*; кет. *ǖñ̄gandu* ‘росомаха’; ел. *ǖñ̄jnd* ‘волк’. При их морфемном членении выделяются элементы *ȫñ̄-əñ̄ž*, *ǖñ̄-jnd*. Элемент *ȫñ̄-* и фонетические варианты *ǖñ̄-*, *ǖñ̄g-*, *uñ̄a-* встречаются в наименованиях других видов животных и птиц в качестве апеллятива, например кет. *q̄ig-uñ̄a* ‘горностай’, кет. *r̄ȫč-uñ̄go* ‘утка-свиясь’. В наименованиях *росомахи* и *волка* *ȫñ̄-əñ̄ž*, *ǖñ̄g-andu*, *ǖñ̄-jnd* он выполняет ведущую роль, что передает способность узнавать мир по звуку. Полагаем, что элементы *ȫñ̄*, *ǖñ̄*, *ǖñ̄g* ранее являлись обозначением уха своеобразной конфигурации. Л.А. Чиндина, описывая предметы материальной культуры эпохи бронзы, отмечает в изображениях людей тот факт, что голова человека имела форму котла с ручками-ушами [6. С. 91]. В современных диалектах слов с таким значением не зафиксировано, но имеются глаголы, включающие в свою структуру данный элемент: об. Ш *ȫñ̄golžəgu* ‘послушать’, ‘присмиреть’, ‘утихнуть’; об. Ч *ǖñ̄gilžəgu* ‘послушаться’; об. Ч *ǖñ̄gilžəmp̄əgu* ‘прислушиваться’, например *kanaq č’eqolbat*, *ǖñ̄gilžəmp̄a* ‘собака уши наострила, прислушивается’.

Показателен в этом отношении следующий факт: наименования *бурундука* об. С *s’erka*; об. С, кет. *sebaka*, *sebaqqa*, *sēbaka*; об. Ч *šipka*, *šēbunga* имеют общий элемент *s’eb-*, который повторяется в глагольных лексемах об. Ч *s̄jbalžəgu* ‘шепнуть’; *šibbatpugu*, *šebbatpugu* ‘шипеть’: *š̄ü č̄aža*, *šibbatpa* ‘змея ползет, шипит’. Кроме того, наименования *бурундука* имеют общий элемент с орнитонимом тур., ел. *šira*

‘утка-кряква’; об. С siba; об. Ш, Ч, вас. š’iba; об. Ч š’ibat ‘птенец’, ‘утенок’, ‘цыпленок’; кет. sipa; sipra ‘детеныш (животных, птиц, рыб, насекомых)’. Рассматриваемый элемент s’eb-, šib- являлся родовым именем энтомологического поля «детеныш мелкого представителя фауны». Этот звукокомплекс передавал неартикулируемый звук без участия голоса, впоследствии он вошел в наименования мелкого представителя фауны как свидетельство того, что ухо человека способно различать шумы разной степени интенсивности.

Наименование муравья в селькупских диалектах выступает в вариантах об. Ч kįža; об. Ш kįža, kįća; кет. kįćća, qitća; об. С qaža, qįža; тым. qidža. Внешняя форма претерпела изменения от более древнего фонетического облика qatća до современного kįža > kįža, которые в синхронии имеют общий элемент с глагольными лексемами об. Ч qįžbatpugu, вас. qįžbatpugu ‘шуршать’, ‘хрустеть’, ‘трещать’: mat öndäd’ap qįžəbatpa ‘я слышу шорох (букв. шуршит)’. Понятийную основу составляет национальная особенность воспринимать на слух окружающий мир дифференцировано.

Зрительное восприятие окружающего мира свидетельствует о том, что цвет воспринимается в отличие от звука комплексно, цветовой план организован так, что не только не выделяет переходные цветовые оттенки, но и объединяет цветовые гаммы. Например, лексема об. n’arg, n’argi имеет значения ‘красный’, ‘рыжий’, ‘бурый’, ‘желтый’, она вошла в наименования тым. n’argu pidəl šundžeka ‘малиновка’; вас. n’arga ‘тальник’; ‘ива’; об. Ч n’argu šobįr ‘брусника’; кет. n’argi loqa ‘рыжая лиса’; n’argi kvįrgi ‘бурый медведь’. Напротив, ихтионим об. Ш, Ч rada ‘красный карась’ материально совпадает с прилагательным об. С radį ‘желтый’, ‘зеленый’, ‘синий’, ‘пестрый’. Наименования флоры и фауны: кет. rēk’e, rēk’k’e ‘рябчик’; об. Ш r’ek; r’aqq; об. Ч r’ēq ‘лось’; тым. r’eqtro ‘рябина (дерево)’; вас. r’iq ‘осина’ имеют общий элемент с лексемами ел. r’ekar’ij ‘пятнистый’; об. С r’ayir ‘пятнистый’, ‘пестрый’. Фактический материал свидетельствует о том, что в восприятии растительного и животного мира цвет не играет существенного значения, мир видится пестрым.

Принятые сокращения

вас. – васюганский диалект; ел. – елогуйский говор; кет. – кетский диалект; об. С – обские говоры Сюсюкум; об. Ч – обские говоры Чумылькуп; об. Ш – об-

ский говор Шешкум и Шешкуп; тур. – туруханский говор; тым. – тымский диалект.

Литература

1. *Dulson A.* Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // СФУ. 1971. Vol. 7, № 1. S. 35–41.
2. *Быконя В.В.* Селькупы: язык и культура (этнолингвистический очерк). Томск, 2011. 234 с.
3. *Быконя В.В.* Имя числительное в картине мира селькупов. Томск, 1998. 261 с.
4. *Кузнецова А.И. Хелимский Е.А., Грушкина Е.В.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 1980. Т. 1. 408 с.
5. *Пелих Г.И.* Селькупская мифология. Томск, 1998. 79 с.
6. *Чиндина Л.А.* Дары горы Кулайки // Земля Чаинская : сб. науч.-попул. очерков к 100-летию с. Подгорного / под ред. Я.А. Яковлева. Томск : Изд-во ТГУ, 2001. С. 81–97.

REFLECTION OF HUMAN COGNITION IN SELKUP NAMES OF FLORA AND FAUNA

Bykonya Valentina V. Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Keywords: cognition; nomination; field investigation; human cognitive activity; linguistic and extralinguistic basis of nomination; zooneme.

Abstract. The article describes the motivation features in the process of lexical nomination of vocabulary units related to the environmental discourse, to such spheres of nature as flora and fauna. The notion of lexical nomination is revealed from the perspective of the human cognitive activity; the reflection of existing reality by means of the language is seen as the motivation basis for the nomination. The analysis shows that the naming of the object depends on the significance of reality to the subject and reflects the perception of its essential features.

References

1. *Dulson, A* Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. *СФУ*. 1971. No. 7.1. pp. 35-41.
2. *Bykonya, VV* The Selkups: Language and Culture (ethnolinguistic survey). Tomsk, 2011. P. 234.
3. *Bykonya, VV* The Numeral in the Selcoup World Picture. Tomsk, 1998. P. 261.
4. *Kuznetsova, AI, Khelimskiy EA, Grushkina EV* A Selkup Language Survey. The Tazov Dialect. Moscow, 1980. V. 1. P. 408.
5. *Pelikh, GI* The Selkup Mythology. Tomsk, 1998. P. 79.
6. *Chindina, LA* The Gifts of the Mountain Kulaika. *The Chainskaya Land*. Tomsk, 2001. pp. 81-97.